

Ван Даху не удержался и подшутил над ней парой фраз, но кто бы мог подумать, что эта девчушка, Сяююй, окажется такой злопамятной. С тех пор она перестала с ним разговаривать, а вместо этого цеплялась за Ли Цинжана. Смотря, как они смеются и болтают, называя друг друга «братик Жаньжань» и «сестричка Сяююй», Ван Даху молча кусал свой рукав, чувствуя, как внутри у него льются слёзы. Однако эта едва уловимая «ревность» продлилась лишь до десятого дня, после чего Гу Сяююй перевели в другую палату, поставив диагноз — «рак костей».

До сих пор Ван Даху ясно помнит, как глаза мамы Сяююй, этой обычно весёлой и добродушной женщины, наполнились отчаянием, и как ночью из туалета доносились её сдерживаемые рыдания.

Судьба всегда была такой жестокой.

После того как Сяююй перевели, Ли Цинжань стал заметно молчаливее. Ван Даху понимал, что тому тяжело, и всячески старался его развеселить, но усилия почти не приносили результатов.

Не найдя другого выхода, Ван Даху одолжил у «сестёр-ангелов» инвалидное кресло и каждый день возил Ли Цинжана навещать девочку.

Сяююй выглядела крайне слабой, лежа в постели, и от её прежней живости, с которой она раньше набрасывалась на Ван Даху, не осталось и следа. Это зрелище вызывало щемящую боль в сердце.

Ли Цинжань сидел у её кровати и читал ей сказку «Белоснежка». Сяююй очень любила эту историю, и даже после десятков прослушиваний ей она не надоедала.

— ...И с тех пор принц и принцесса жили долго и счастливо.

Сяююй подняла голову и слабым голосом тихо сказала:

— Сяююй думает, что братик Жаньжань похож на принца.

— Хи-хи... Малышка, ты хочешь сказать, что сама — принцесса? — поддразнил её Ван Даху с улыбкой.

— Братик Жаньжань — принц, Сяююй — принцесса, а братик Даху — злая королева! — с недовольством пропищала Сяююй, морща носик.

— Ого! Смелая малышка! — Ван Даху, изображая напыщенность, поднял руку, сложив пальцы в виде цветка, и тонким голосом спросил. — Зеркальце, зеркальце на стене! Скажи, кто всех краше в этой стране? А? Самая красивая не я? Это принцесса Сяююй... Ох, как же так... Я не согласна, я поймаю принцессу Сяююй... Я съем её!

— Хи-хи, ха-ха... — Сяююй, глядя на Ван Даху, который размахивал руками, пытаясь её «поймать», смеялась, но её слабое тело не выдерживало, и она начала тяжело дышать. Мама Сяююй, стоявшая у кровати, быстро надела на неё кислородную маску.

— Простите, тётя, я...

— Ничего страшного! — на измождённом лице мамы Сяююй появилась слабая улыбка благодарности. — Она уже давно так не смеялась. Вы пришли навещать её и поговорить с ней, и я вам бесконечно благодарна!

— Сяоюй поправится! — Ли Цинжань погладил девочку по голове и мягко сказал. — Обязательно поправится!

Однако жизнь всегда непредсказуема, а судьба — хрупка.

Четыре дня спустя ночью шестилетняя Гу Сяоюй навсегда покинула этот мир.

В тот день с неба моросил мелкий дождь, и его звуки смешивались с рыданиями мамы Сяоюй, отчего сердце сжималось от боли.

Когда Ван Даху и Ли Цинжань пришли, палата уже была полна людей. Они остались ждать снаружи, и вскоре тело Сяоюй вывезли на каталке, накрытое белой простынёй. Лишь по очертаниям можно было угадать фигурку девочки. Каталку быстро увезли, и она мгновенно скрылась из виду. Ван Даху, задрав голову, громко выругался, и слёзы, которые он сдерживал, наконец потекли по его щекам.

Ли Цинжань тоже плакал. Он сидел в инвалидном кресле и рыдал так сильно, что всё его маленькое лицо было мокрым от слёз.

Это был второй раз с момента их «возрождения», когда Ван Даху видел его в таком состоянии. Первый раз это случилось, когда Кун Сюмей бросила его, а теперь — из-за внезапной смерти маленькой жизни.

Видимо, когда человек испытывает сильную боль, единственное, что он может сделать, — это плакать, ведь только так можно хоть немного освободиться от скопившегося горя.

Ван Даху крепко обнял дрожащее тело Ли Цинжана сзади, и они оба молчали.

После смерти Сяоюй Ли Цинжань долго не мог прийти в себя. Он часто замирал, погружённый в свои мысли, и никто не знал, о чём он думал.

Ван Даху, опасаясь, что тот впадёт в депрессию, часто вывозил его в сад под больницей, чтобы он мог немного отвлечься.

Ноябрь был временем, когда хризантемы цвели особенно пышно.

Кустики маленьких жёлтых полевых хризантем упрямо пробивались сквозь землю, показывая миру свою красоту.

Ван Даху катил кресло и разговаривал с Ли Цинжанем.

Вдруг издалека к ним подошёл человек и окликнул их.

Ван Даху присмотрелся и увидел, что это мама Сяоюй.

— Тётя! — Они оба позвали её одновременно.

Мама Сяоюй улыбнулась им, и Ван Даху внимательно её рассмотрел. Хотя на её лице всё ещё была печать горя, её душевное состояние, казалось, немного улучшилось, и она больше не выглядела так, будто готова последовать за дочерью.

— Я специально пришла вас найти, — сказала мама Сяоюй, доставая из сумки альбом. — Это рисунки Сяоюй. Возьмите их на память.

Ли Цинжань взял альбом и тихо произнёс:

— Тётя...

Затронув болезненную тему, мама Сяюй снова едва не расплакалась, но сдержалась, и они поговорили ещё немного, после чего она ушла.

Ли Цинжань открыл альбом, и перед ними предстали яркие рисунки, сделанные восковыми мелками. На них была изображена Сяюй и он сам. Девочка была в платье принцессы, а мальчик — в костюме принца. Они держались за руки, а с неба падали цветы — казалось, они праздновали свадьбу.

Ван Даху тихо пробормотал:

— Эта девчушка явно что-то замышляла против нашего Жаньжана.

Альбом состоял из семи страниц, и они быстро их пролистали. На последней странице в углу Ван Даху заметил изображение тощей «больной кошки». Только по большой иероглифу «ван» на лбу он с трудом понял, что это, вероятно, он сам.

— Братик Жаньжань, злой братик Тигр, спасибо вам!!

Эти слова были написаны красным восковым мелком, криво и с использованием пиньиня.

Ван Даху шмыгнул носом и вдруг почувствовал, что ветер стал сильнее, и от него режет глаза.

— Даху! — вдруг тихо позвал Ли Цинжань.

— А?

Ли Цинжань закрыл альбом и с твёрдостью в голосе сказал:

— Я стану врачом!

— А?

— Я обязательно вылечу многих детей, таких как Сяюй, и не позволю болезням забрать их жизни.

— Жаньжань, ты действительно молодец! — Ван Даху погладил его по голове и улыбнулся. — Братик Даху верит, что у тебя всё получится, и ты станешь лучшим врачом в мире.

Маленькие золотистые хризантемы качались на ветру, демонстрируя свою красоту. Возможно, их жизнь была коротка, но никто не мог отрицать, что в этот момент они старались изо всех сил. И даже когда они завянут, их нежный аромат навсегда останется в сердцах людей.

Через месяц Ли Цинжань выписался из больницы.

Лун Имин прислал машину, чтобы отвезти их обратно в деревню Синье.

Глядя на удаляющуюся вывеску «Первая городская больница города Н», Ван Даху и Ли Цинжань, держась за руки, улыбнулись друг другу.

Они ехали целый день и вернулись домой только к вечеру.

Бабушка уже приготовила стол, полный еды, ожидая их. Кроме того, родители Ван Даху и его младший брат Ван Сяоху тоже пришли.

Начался шумный «праздничный ужин».

Возможно, из-за того, что он наконец избавился от главного беспокойства, Ван Даху в первую ночь дома спал особенно крепко и проснулся только ближе к полудню.

Конечно, если бы не шум и крики во дворе, он бы, вероятно, спал ещё дольше.

Ли Цинжань сидел на кровати, прислонившись к окну, его лицо было бледным, и он неотрывно смотрел на улицу.

<http://bllate.org/book/16441/1490750>